

Д. А. Филин
кандидат философских наук, доцент
кафедры культурологии и искусствознания
Кемеровский государственный университет культуры и искусств

ВИЗАНТИЙСКОЕ МОНАШЕСТВО И КРИЗИС ИМПЕРИИ РУБЕЖА XII–XIII ВВ.

12 апреля 1204 года столица империи ромеев Константинополь, богатейший европейский город с полумиллионным населением стал добычей двадцатитысячного войска европейских варваров. Произошла настоящая катастрофа, неожиданная как для жителей империи, так и для других православных народов. Византия не смогла никогда от нее оправиться и вернуть себе статус великой политической державы, а Константинополь утратил свое царственное величие. Что же произошло? Каким образом славнейший и огромный город, неоднократно отражавший куда более серьезных врагов, на девятом

веке своего существования оказался захваченным отрядом западноевропейских рыцарей? Почему несколько десятков тысяч мужчин, способных носить оружие, не вышли на стены города? Современники произошедшего узрели в падении столицы внезапно обрушившуюся божественную кару [4, с. 50].

Участник событий, великий византийский историк Никита Хониат первый предложил в качестве рационального обоснования произошедшей катастрофы использовать концепцию упадка нравов, ставшую еще во времена Тита Ливия и Тацита «общим местом» римской историографии [12, с. 593]. Крупнейший основоположник отечественного византиноведения Ф. И. Успенский по сути дела продолжил линию Хониата, называя в качестве предпосылок падения Константинополя сепаратизм провинций, отделение Болгарии, этническую и религиозную некомплементарность франков и греков, а также полную распущенность беспорядочной правительственной системы и забвение государственных интересов во имя частных [22, с. 466–485]. О последних двух группах причин и пойдет речь в данной публикации. Мы считаем их необходимыми и достаточными для объяснения интересующего нас факта. Главным моментом новизны нашей публикации является предположение о том, что именно нравственный упадок монашества стал основной причиной, фундаментальной предпосылкой политического кризиса Византийской империи рубежа XII–XIII вв.

Итак, последний великий правитель Византии Мануил I Комнин умер 24 сентября 1180 года. На империю опустился мрак «как при затмении солнца». Действительно, последние Комнины не соответствовали грандиозной задаче сохранения величия Ромейской державы. Алексей II (1180–1183) проводил время в пустых удовольствиях, травлях и конских скачках, в компании дурных товарищей, развивая самые низменные склонности. Еще более его превзошел в следовании злему Андроник I (1183–1185), который «считал для себя тот день погибшим, когда он не захватил, или не ослепил какого-нибудь вельможу, или кого-нибудь не обругал, или, по крайней мере, не устрасил грозным взглядом и диким выражением гнева» [14, с. 407]. Именно при нем в 1185 году страшные норманны взяли и разграбили дочиста второй по величине город империи – Фессалонику. Но лучше ли их были следовавшие за ними Ангелы? Исаак I (1185–1195) очень ценил вино и женщин, каждый день принимал ванны и натирался благовониями. За пиршественным столом он использовал священные сосуды, кощунствовал, снимал оклады с крестов и книг и делал из них цепи и украшения для своей одежды. Исаак любил безгранично своего старшего брата Алексея, выкупил его из турецкого плена и всецело ему доверял. Последний же ответил на братскую любовь тем, что сверг его с престола, бросил в темницу и ослепил.

При самом Алексее III Ангеле (1195–1204) процесс нравственного упадка правящего меньшинства дошел до анекдотических пределов. Когда император послал эскадру ограбить греческий караван, навархи Ангела переусердствовали и обобрали все встретившиеся им корабли, в том числе и турецкие! За что иконийский султан объявил ромеям войну. Муж сестры императрицы мегадука Михаил Стрифн, по прозвищу «толстопузый», вместе с друнгарием флота Стирионе открыто торговал всем имуществом военно-морского ведомства: якорями, парусами, канатами, веслами и даже гвоздями. Так что ко времени похода крестоносцев на Константинополь не оказалось ни одного крупного военного корабля, способного выйти в море!

Начальник государственной тюрьмы Лагос, чтобы заработать побольше денег, по ночам стал выпускать самых ловких воров на промысел, утром, возвращаясь, они приносили ему добычу и он сам уступал им небольшую ее часть. Ангелы были особенно корыстолюбивы и падки до развлечений. Торговля должностями, взяточничество и коррупция достигли в их правление невиданного размаха: «Не только пролетарии, торговцы, меновщики и продавцы платья уdstаивались за деньги почетных отличий, но

и скифы и сирийцы за взятки приобретали ранги» [15, с. 140]. Доходило даже до того, что один видный сановник выносил на рынок и продавал рыбу, которую получал от благодарных просителей.

Более всего нас потряс следующий факт, аналога которого мы не припомним во времена Неронов и Калигул. Убив чуть ли не единственного талантливого полководца империи, освободителя Фессалоники, мятежника Алексея Врану, приближенные Исаака забавлялись тем, что перебрасывали друг другу дротиками его отрубленную голову с оскаленными зубами, словно мяч (1185 г.). Особо «утонченное» издевательство людей, которые ходили на воскресную литургию и слушали Евангелие Христа! [15, с. 42–44; 7; 8; 11; 22; 24]. Комментируя Хониата, Успенский подчеркивал, что «в высшем обществе угас дух патриотизма и выдохлось понятие о чести и достоинстве. Полное безразличие к общественному благу и погоня за личным счастьем, понимаемым в узком смысле личного удовольствия, отличает деятелей изучаемого периода» [22, с. 381].

По нашему мнению, тенденции, чутко уловленные Хониатом, были уже весьма заметны во 2-й половине XI столетия. Определены они «индивидуализацией» сознания. Назовем так изменения в ромейском менталитете: развитием таких черт характера как исключительное себялюбие, эгоцентризм, замкнутость на своих собственных проблемах, руководство в деятельности почти исключительно гедонистическими мотивами, и как долговременное историческое следствие в конечном итоге – предпочтение частных, своекорыстных интересов общим. В начале же «индивидуализация» сознания³ весьма способствует развитию творчества, появлению новых одаренных индивидов.

На этот процесс указывают следующие факты. В XI веке в Византии начинается массовое употребление фамилий. 28,5 % семей, зафиксированных в специальной анкете А. П. Каждана, ведут начало именно с периода 1025–1081 гг. [9, с. 225, 258]. Родовитость с середины XI века становится в общественном сознании необходимым элементом аристократизма. С эпохи Комнинов только выходцы из аристократической среды занимают византийский трон [13, с. 39]. Само государство Комнинов есть не что иное, как господство нескольких десятков фамилий, связанных между собою родственными узами. Каждан подчеркивает, что семьи комниновского клана были теснее связаны с деревней, провинциальным землевладением, нежели военная знать вне клана [9, с. 259], то есть они были менее гедонистичны, более аскетичны, чем их предшественники и конкуренты. Поэтому они то и спасли Византию во время жесточайшего внешне- и внутриполитического кризиса второй половины XI века и вернули ей международный престиж на период чуть более века. Византия XII века уже не была первой державой Европы как в раннее средневековье, но оставалась одной из ведущих европейских стран.

Идеал аскета, изначально определявший движение византийской истории, потеснили, во-первых, идеал образованного человека (византийского интеллигента), который талантлив, энергичен и добивается счастья своими знаниями и личным трудом (это и Пселл, и Иоанн Итал, и Феодор Продром, и Иоанн Цец); во-вторых, западноевропейский рыцарский идеал со всеми его характеристическими чертами (проявление верности, дружбы, воинской удали), воплощенными в личности Мануила I Комнина [9, с. 240].

Авторы XII столетия гордятся своим талантом, образованностью, проявляют повышенный интерес к собственной индивидуальности: обобщенности предпочитая наблюдательность, интерес к деталям, мелочам быта [10, с. 246]. В дальнейшем, в XII в., индивидуализация ведет к профанации творчества. Иоанн Цец, сам будучи ярчайшим примером профессионального дилетантизма, возмущается, что в его время все пишут стихи: женщины и младенцы, всякий ремесленник и даже жены варваров [10, с. 241].

³ Не путать с «индивидуализмом без свободы» А. П. Каждана, что означает отсутствие включенности византийца в ряд вертикальных и горизонтальных корпоративных связей, одиночество его перед Богом и всемогущим государством [10, с. 100–101].

Советы Кекавмена (2-я половина XI в.) больше всего касаются взаимоотношений с начальством и подчиненными, безопасности собственного положения, репутации в глазах властей. Такие понятия, как дело, долг, честь, не присутствуют на страницах его книги [21; 10, с. 206]. Симеон Новый Богослов, творчество которого по-своему индивидуалистично, утверждал, что дружбы не существует, есть только тяга к болтовне и совместной жратве [10, с. 168]. В то время как в ранневизантийские времена дружба была величайшей ценностью. Надгробное слово Григория Богослова на смерть Василия Великого – настоящий гимн бескорыстной и нерушимой дружбе [5, с. 730–795].

Процесс индивидуализации сознания ведет к расшатыванию традиционных церковных устоев в сфере семьи и положения женщины. На рубеже XI–XII вв. на адюльтер и внебрачные связи смотрят в обществе уже снисходительно, а внебрачных детей приравнивают к потомству от официальных супругов. Женщина пробивает путь к образованию и общественной жизни. Становится весьма актуальным продромов образ властной матроны, держащей под каблуком своего мужа [10, с. 57].

Наконец, интенсивно продолжается начавшийся еще в XI в. процесс смены архитектурной парадигмы – крестово-купольные храмы идут на смену базиликам более крупных размеров. Каждан отмечает, что «Юстиниан строил общественные храмы, василевсы XI–XII вв. дворцовые часовни и усыпальницы. Это стремление к интимному храму с карликовыми пропорциями архитектурных элементов отчетливо обнаруживается в константинопольском зодчестве XII в., а в провинции – еще раньше» [11, с. 226].

Как бы подводя итоги сказанному, Хониат сетует, что на Западе давно уже знали, что в Ромейской державе заняты только пьянством и что Константинополь превратился в новый изнеженный Сибарис. Язвами ромейского общества стали всеохватывающий эгоизм, себялюбие, забота исключительно о самом себе. Люди пренебрегают близкими, родными, Родиной: ими движет лишь жажда самосохранения и корыстная трусость. Моральные нормы утратили сдерживающую силу, человек стал руководствоваться исключительно обстоятельствами и масштабами своих возможностей [15, с. 51; 11, с. 294–295].

Итак, за всеми вышеперечисленными фактами стоят, на наш взгляд, одни и те же изменения в менталитете, названные нами процессом «индивидуализации» сознания. Первоначально он способствует расцвету творчества, потом его профанации, сопровождается же всегда ростом своекорыстных эгоистических интересов, жертвой которых, в конце концов, становится «общее дело». Л. Н. Гумилев назвал людей такого склада «актуалистами». Они приходят на смену «пассеистам». Для последних (первых во времени) характерна жертвенность во имя общего блага коллектива. «Пассеисты» чувствуют себя продолжателями линии предков, традиции (сюда можно отнести и подвиги Леонида в Фермопилах, Пересвета и Осляби на Куликовом поле). «Актуалисты» же стремятся жить сейчас, для себя, а не для традиции. Они совершают подвиги, но ради собственной алчности, открытия – для собственного тщеславия, ищут высокого положения, чтобы насладиться властью. Такие люди живут настоящим, часто по пословице: «Хоть день, да мой» или «После нас хоть потоп». Когда процент «актуалистов» увеличивается, то наследство, накопленное предками, быстро растрачивается, почему и создается иллюзия кратковременного расцвета, а это и есть эпоха Комнинов в истории Ромейской державы [6, с. 96–98].

Центральным тезисом нашей публикации считаем утверждение, что главную роль в кризисе рубежа XII–XIII вв. играла относительная деградация духовной элиты византийского общества – монашества, стремительное падение уровня аскетической жизни в эту эпоху. Самым надежным подтверждением данного высказывания являются статистические данные по изменению количества православных святых, на основе соответствующего списка трехтомного словаря «Христианство», а также дополнительных сведений, приводимых у И. И. Соколова [19, 23]. Автор не претендует на точность (каждая

цифра приближительна), но любой, проделавший ту же работу, получит то же соотношение. Для IX века мы насчитали около 123 человек, для X в. – около 48, для XI – около 29 и, наконец, для XII – около 14 святых. Причем деятельность двух из подвижников, которых мы отнесли к XII столетию – знаменитого Христодула Патмосского (+1111) и Климента Столпника (+1111) в основном приходится на XI век. Другие из отнесенных сюда же – афонские монахи – Иоанн Кукузел и Симеон Мироточивый были славянами из соседних стран. Деятельность Леонтия Иерусалимского, Саввы Сурожского, а также Хремеса, Николая и Сильвестра Сицилийских, Петра Калабрийского протекала на периферии византийского культурного мира – тех территориях, которые империи ромеев давно не принадлежали⁴.

Учитывая все это, нельзя не поразиться тому, какое духовное запустение произошло в Византии в XII веке! И это несмотря на сотни монастырей и храмов, существовавших здесь. За внешней оболочкой церкви угасал костер настоящего подвижничества, и, прежде всего, это касается самого Константинополя, где вместе с окраиной, по отзыву русского путешественника, было до 40 тысяч монахов и 14 тысяч монастырей (включая и мелкие – от 3 до 10 человек) [13, с. 85]. Осталась «мода» на монашество, но не само его «сердце» – освобождение от страстей и умное делание. Поэтому, совершенно закономерно, что пик критики пороков внутри самой церкви приходится на XI, в особенно – XII век. Уже Христофор Митиленский (XI в.) высмеивал тех из «почитателей святых», которые собрали в свои лари по дюжине рук Святого Прокопия и ровно четыре черепа Святого Георгия [13, с. 77].

Резким обличителем харистикарной системы был антиохийский патриарх Иоанн (XII в.). В ее распространении он считал виноватыми как православных царей, так и слабых патриархов. «Лишь только харистикарий получит в свою власть монастырь, – негодует церковный писатель, – он тотчас распускает ненасытную пазуху и кладет туда все принадлежащее монастырю, – не только дома, поместья, скот и разнообразные доходы, но и самые храмы; кафигумена и монахов он считает за своих рабов, всех и все рассматривает как свою благоприобретенную собственность; всем пользуется безбоязненно и по своему желанию, как своим наследством. Божьим храмам и монахам он уделяет какую-нибудь весьма малую часть из всего дохода, да и это давая как милостыни за свою душу и с предъявлением к монахам многих требований. Я уже не говорю о разрушении храмов, жилищ и поместий – вследствие того, что он всегда следит только за тем, чтобы были доходы, и не любит расходов. Особенно худо, если с этим душегубительным даром соединяется безответственность» [19, с. 298].

И Симеон Новый Богослов, и Пселл, и Никита Хониат говорят о лицемерии как о самом заметном и пагубном пороке монашеской жизни. Хониат горько иронизирует, что «“подвижники” только потому и монахи, что остригли себе волосы, переменили платье и отпустили себе бороду» [14, с. 268].

Особенно много изобличал пороки византийской духовной элиты Евстафий, митрополит Фессалоникийский (около 1110 – около 1194), представивший нам целую галерею лиц. Выгода – вот настоящая цель этих лицемеров. Этот род людей посредством пострижения приобретает себе право на торговлю. Ибо, не употребляя мяса и будучи довольны

⁴ В таком контексте статистическая закономерность, выведенная Х. Лопаревым, может получить дополнительное объяснение. Он отмечал, что в IV-V вв. было написано приблизительно по 50 агиографических памятников на столетие, в VI, соответственно – 20, в VII – 30, в VIII-IX – огромное множество, X – 11, XI – 18, XII – 6, XIII – 8, XIV – 9, XV – 5. С. В. Полякова объясняет числовой разрыв между X и XII столетиями вступлением агиографии на почву высокой литературы, что означало резкое падение ее «массовидности», количественных показателей [18, с. 266]. Однако возможна и другая причина – объективное падение уровня святости, о котором речь идет в данной статье (XII век вполне сопоставим здесь с XV – последним столетием существования Византии!).

скудной пищей, они получают от этого прибыль; они не страшатся и сборщиков пода-тей, которые могли бы уменьшить их барыш. Они разводят виноградники, заботятся о садах, умножают стада всякого рода животных и делают все, посредством чего можно доказать, что они принадлежат миру. Некоторые распорядители монастырских имуществ именно так убогачивают своих духовных отцов и «даже приобретают воровством благословение и похвалы». Эти лицемеры хитростью привлекают в монастырь простаков и овладевают всем их имуществом. «Очистив пазуху пришельца, исполнив желание своего сердца, они отпускают его свободно гулять на волю, так как в нем не оказалось-де и следа добродетели. Если он как-нибудь вздумает ворчать, тогда сейчас же найдется много против него: и что ты за человек и какая в тебе сила, и какая от тебя польза? Они пригрозят этому человеку, что он лишится и остального, что ему было оставлено по общему соглашению при отпущении на свободу; они сошлются при этом на правило и свой почтенный устав, по которому каждый из братьев обязывается к нестяжательности, – у них, таких стяжателей» [Цит. по 19, с. 378–379].

Евстафию вторит сатирик Феодор Продром (XII в.), который уподоблял мышь игуменью, что весьма далека от благочестия, хотя так и сыпет библейскими цитатами, на уме же у нее только коровье масло, ягнячье мясо, овечье молоко да мед [13, с. 87]. Хониат пишет, что монахи больше хлопочут о мамоне, чем гедонистически настроенные миряне [14, с. 267]. Далее Евстафий бичует такие пороки современного ему монашества, как чревоугодие, пьянство, телесную изнеженность, крайнюю гордость, самоуправство, блуд,⁵ гнев, невежество и презрение к знаниям. Однажды, спросив у игумена одного из монастырей замечательный кодекс творения св. Григория Богослова, он услышал в ответ, что книга недавно продана и непонятно для чего вообще нужны монахам такие книги. После иронии Евстафия («Для чего или для кого нужны и вы достопочтенные монахи, если для вас бесполезны такие книги?») игумен резко поворотился спиной и больше уже никогда с ним не разговаривал [19, с. 380–385]. Честный и прямодушный Евстафий, желал было бороться с этими пороками, но нажил столько врагов, что вынужден был даже временно удалиться с митрополичьей кафедрой (ок. 1185 г.) [19, с. 3481].

Именно на XII столетие приходится рост религиозного безразличия, скепсиса. Когда в конце этого века афинский митрополит приехал в Фессалонику – второй по величине город империи, он поразился: во время богослужения церкви совсем пустовали. Когда провинциальные вельможи потешались над Исааком II Ангелом, то он их послал к патриарху для разрешения от церковного проклятия: одни считали это совершенно бессмысленным делом, другие иронизировали над тем, что Исаака Ангела в детстве готовили к церковной карьере и вот теперь он от них требует то, к чему привык с малолетства. Наконец, по-своему об «оскудении» монашеской жизни свидетельствует тот факт, что традиционные жанры агиографии, литургической поэзии «застывают», становятся слишком стереотипными, нетворческими [10, с. 241–243].

Итак, монашество – «соль земли» – стало в XII веке стремительно терять силу, последнее отметили еще протестантские историки позапрошлого века (Неандер, Куртц и др.), а за ними и Ф. И. Успенский. Однако, полбеда, если бы перед нами было общество с другими ценностями, более светски ориентированное, но главная беда, по нашему разумению, в том, что монашество занимало исключительное положение в Византии. Оно было духовной элитой этого общества. Господствующей идеологией на протяжении всего тысячелетнего существования Ромейской империи оставалось христианство, идеалом общества всегда был идеал аскета – святого (см. [1]). Именно христианские ценности

⁵ Вальсамон повествует, что он во времена патриарха Кир-Луки (1156–1169) видел одного монаха Леонтия Музака, который даже на собор явился с женщиной, не желая с ней расставаться ни на один миг! [19, с. 383].

соединяли общество. Им посвящено все необъятное море святоотеческой литературы. Возьмем, например, широко известную гомилию на первый псалом Василия Великого. Святитель перечисляет те качества, которые должны соответствовать христианской жизни: благоразумие, безгневие, дружба, любовь, целомудрие, мужество, справедливость, покаяние, безмерное терпение. Псалом, по Василию Кесарийскому, – «союз дружбы, единение разобщенных, враждующих примирение» [16, с. 50–51]. Это определение можно считать своего рода краткой формулой христианской общественной жизни, соборности. Вышеперечисленные качества, которые призваны направлять жизнь в христианском обществе, во многом уже отсутствовали в византийской жизни XII столетия, особенно в правящем меньшинстве. Грекам не хватало ни мужества, ни единения, ни терпения, ни способности к сверхусилию в роковую весну 1203 года. Эти качества были у представителей правящего меньшинства и в 626 г. при осаде Константинополя аварами и в 717–718 гг. – арабами, и в 860 г. – руссами: как раз в века византийской духовности, «монашеского пира» (метафора И. И. Соколова). Только для одного IX столетия мы насчитали канонизированных святых около 123 человек. Именно они всей душой защищали нравственные устои общества, путем мимезиса распространяя данный тип поведения (см., например, примеры высоконравственной жизни монахов того времени в Афонском Патерике – [3]). «В житии почти каждого византийского подвижника можно прочесть о том, какое благотворное влияние имел на окружающую среду пример высоконравственной его жизни, как под действием его добродетели изменилась нравственность лиц, имевших сношения с ним, как последние воспламенялись желанием вести иноческую жизнь и т. п.» [19, с. 392]. Так, например, поучения и советы монаха Евфимия для императора Льва Философа имели безусловное значение. Никифор II Фока высоко ценил руководство и духовную дружбу Афанасия Афонского. К этому же святому отовсюду собиралось множество народа – одни принять благословение, другие – спросить о предметах сомнительных или малоизвестных. Никто от него не уходил без душевной пользы. Евфимий Новый многих граждан Фессалоники обратил к добродетели, нравственной жизни. Вере и нравственности учили Симеон Новый Богослов и Никон Черногорец.

Не стоит забывать, что в Византии почти каждый монах был грамотен, а многие и учительствовали (пример славянских первоучителей Кирилла и Мефодия всем известен). Наконец, эти люди, порвавшие с миром и поэтому ничего не боявшиеся, были решительными обличителями пороков и заблуждений общества. К примеру, Василий Новый, приглашенный во дворец, публично изобличил Романа Старшего в сребролюбии и распутстве и вызвал у императора настоящее раскаяние. Евфимий был горячим преследователем Стилиана Заутца, будущего тестя Льва VI, так что царь в конце концов признал себя главным виновником злодеяний Заутца и обещал Евфимию обуздать его. Голос Павла Латрского имел такую силу, что начальник корабля по одной его просьбе освободил десять провинившихся морских солдат, заключенных в оковы [19, с. 392–395]. Примеров, подобных данным, можно привести множество. Все они свидетельствуют о том, что самой нравственной, самой созидательной силой византийского общества было именно монашество, иначе и быть не могло, ведь это общество родилось в результате «аскетического сжатия» IV–V вв.

По ходу наших рассуждений, интересно отметить такую закономерность, еще требующую своего настоящего исследования. Подавляющее большинство канонизированных святых было не бедного, а знатного происхождения. Из аристократических семей происходили не только величайшие подвижники IV в. Антоний Великий, Афанасий Александрийский, каппадокийцы, Иоанн Златоуст, но и Илия Новый, Илия Пещерник, Михаил Малейн, Никон Метаноите, Нил Россанский, Афанасий Афонский, Феодор Студит, Симеон Метафраст, Симеон Новый Богослов и многие, многие другие известные подвижники того времени. Легче и быстрее перечислить выходцев из бедных семей в монашест-

ве IX–XI вв. – это Лука Элладский, Мелетий Новый, Христовул. Они – известные святые второй половины XI века. Чем объяснить такое положение вещей? У нас нет настоящего ответа. Высокий уровень образованности характерен далеко не для всех – тот же основатель монашества Антоний Великий не захотел учиться грамоте (другой перевод – «не стал учиться грамоте, не желая общаться с другими отроками»), единственным его стремлением было по-простому жить в доме своем [16, с. 40–41; 2, с. 179]. Афанасий Александрийский добавляет интересную подробность, что «воспитывался Антоний в умеренном достатке, не досаждал родителям просьбами разных дорогих яств и не искал в них улады; он довольствовался тем, что у него было, и ни к чему большему не стремился». По смерти же родителей он ушел в пустыню [16, с. 40; 2, с. 180]. Думается, мы приблизимся к ответу, если вспомним, что люди со значительным материальным достатком, принадлежавшие к привилегированному слою, и в других типах общества так же становились на путь аскезы (таковы Рылеев, Перовская, Лев Толстой – в русской истории, Сиддхартха Гаутама – в истории индийской). Они очень часто отличались особым рвением на этом пути и поэтому попадали на страницы истории. Не влияла ли на «тонкость душевной организации» и сама атмосфера в семьях, необязательно аристократическое воспитание? Мы не находим прямого ответа на этот вопрос.

Стоит, пожалуй, также подчеркнуть, что в Византии той эпохи монашеская жизнь была весьма разнообразна. Здесь существовали и столпники, и странники, и затворники, босоногие (спавшие на голой земле), нагие, босые, грязные, пещерники, молчальники, носившие железные вериги, и даже икеты (просящие). Последние собирались вместе с монахинями для прославления Бога путем пения гимнов, песен и плясок по примеру Моисея и Мариам, переходивших Черное море [19, с. 287]. В общем, эта свобода подвижничества компенсировала строгость монашеской жизни, делала ее более привлекательной. Так что в византийском обществе IX–XII вв. даже существовала своеобразная мода на монашество. «Постройка новых монастырей сделалась своего рода манией. Всякий, кто только имел возможность, считал ее чуть ли ни главной своей обязанностью. Бедняки в случае экономической несостоятельности строили их *in cogroge*». Доходило до того, что любовники возводили монастыри для своих любовниц [19, с. 107]. Все монахи и даже частные лица хранили у себя фрагменты мощей святых. В Афонской Лавре Святого Афанасия существовал календарь, состоявший из 12 ящиков – «месяцев», в каждом отделение по числу дней месяца, в отделении частица мощей святого, память которого отмечается в данный день [18, с. 270]. Как нам кажется, эти факты свидетельствуют о постепенной профанации монашеской жизни⁶, связанной с общим падением духовного уровня и «индивидуализацией» сознания, которые и стали предметом рассмотрения нашей статьи.

Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что проанализированные нами факты свидетельствуют о вполне закономерном падении Константинополя в 1204 году. Оно стало, по-видимому, конечным следствием того широкого процесса «индивидуализации» сознания, который охватил византийцев в XI–XII вв. и определяющим фактором которого является постепенное угасание православной святости, понижение нравственного уровня монашеской жизни, достигшее критической отметки именно в это время. Главный удар, главная точка приложения внешней силы был направлен в то место, где «гедонистическое расширение» и упадок нравов достигли наибольшего выражения – это столица империи. Ее сокрушили варвары с Запада, а жизнеспособные окраины продолжили свое существование в виде отдельных греческих государств.

⁶ Они не характерны для IV–VI вв. – подлинного «золотого века» монашества, поэтому для IX – начала XI в. более приличествует в этом смысле название «серебряного века», а не «золотого», как считал И. И. Соколов.

Литература

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. – М., 1977. – 325 с.
2. Афанасий Александрийский. Творения: в 4 т. – М., 1994. – Т. III. – 524 с. – С. 178–250.
3. Афонский патерик. – М., 1994. – 558 с.
4. Георгий Акрополит. История / пер., вступит. ст., комм. и прил. П. И. Жаворонкова. – СПб., 2005. – 415 с.
5. Григорий Богослов. Собрание творений. – Минск; М., 2000. – Т. 1. – 832 с. – С. 730–795.
6. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., 1993. – 503 с.
7. Дашков С. Б. Императоры Византии. – М., 1997. – 368 с.
8. История Византии: в 3 т. / под ред. А. П. Каждана. – М., 1967. – 371 с.
9. Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. – М., 1974. – 273 с.
10. Каждан А. П. Византийская культура (X–XII вв.). – СПб., 1997. – 280 с.
11. Каждан А. П. Два дня из жизни Константинополя. – СПб., 2002. – 320 с.
12. Кнабе Г. С. Рим Тита Ливия – образ, миф и история / Тит Ливий. История Рима от основания города. – М., 1993. – Т. III. – 766 с. – С. 590–655.
13. Литаврин Г. Г. Как жили византийцы. – М., 1974. – 200 с.
14. Никита Хониат. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина / пер. под ред. В. И. Долоцкого. – СПб., 1860. – Т. 1. – 446 с.
15. Никита Хониат. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина / пер. под ред. Н. В. Чельцова. – СПб., 1862. – Т. 2. – 464 с.
16. Памятники византийской литературы IV–IX веков / отв. ред. Л. А. Фрейнберг. – М., 1968. – 355 с.
17. Памятники византийской литературы IX–XIV веков / отв. ред. Л. А. Фрейнберг. – М., 1969. – 463 с.
18. Полякова С. В. Византийские легенды как литературное явление // Византийские легенды / под ред. Д. С. Лихачева. – М., 1972. – С. 245–273.
19. Соколов И. И. Состояние монашества в Византийской церкви с середины IX до начала XIII века (842–1204): Опыт церковно-исторического исследования / вступ. ст. Г. Е. Лебедевой. – СПб., 2003. – 464 с.
20. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и пред. А. Ю. Соколова. – М., 1992. – 543 с. – С. 427–504.
21. Советы и рассказы Кекавмена: Сочинения византийского полководца XI в. / пер., ком. Г. Г. Литаврина. – М., 1972. – 302 с.
22. Успенский Ф. И. История Византийской империи. – М., 2002. – Т. 4. – 496 с.
23. Христианство: энциклопедический словарь: в 3 т. / гл. ред. С. С. Аверинцев. – М., 1995. – 783 с.
24. Юревич О. Андроник I Комнин. – СПб., 2004. – 256 с.